

Тина АРСЕНЬЕВА

Из Книжки Книжки

Композитору-симфонисту одесситке Алене Томлёновой выпала на зенит ее жизни странная эпоха. Бесцензурная — когда, в сущности, никому нет до тебя дела. Свободная — тебя, талантливого, в упор не замечать. Дерзкая — когда, к чему ни обратиться, все уже сказано.

Искусствоведы называют такое положение вещей "ситуацией постмодернизма". Такая вот усталость культуры, обрекающая ее адептов на нескончаемое цитирование. Ну, в лучшем случае — на вариации. Дать привычное во внезапном ракурсе или встряхнуть потребителя культуры новым напоминанием о прочно забытом старом — это нынче выглядит творческой удачей, в особых случаях — даже открытием: постмодернизм выявил своих гениев. Таковых, правда, единицы. Как правило, им присуща одна общая особенность: открыто задекларированная в их произведениях приверженность игровому началу. Никакой вам "полной гибели всерьез". Не дождетесь!..

Сколько же столетий все мы прикидывались, будто не подозреваем, что искусство — грандиозная игра. Во всяком случае, ею оно стало с той поры, как обратилось от иконы к портрету, а от мессы — к симфонии.

В подобных культурных обстоятельствах как никогда велик соблазн моды. Непременно оказаться в мейнстриме, в струе! Даже если "струя" ничтоже сумняшеся мнит себя "подпольем", "андеграундом". Ибо сама по себе ситуация культурной вседозволенности, с неограниченной свободой выбора и сопутствующей этой свободе отменой канонов, стилей, критериев, иерархий — эта ситуация ликвидирует и неконформистское "подполье". Тебя вольны не замечать. Вольны на каждом твоим творческом шагу ловить за руку, громогласно вменяя: "Это уже было", — и обвиняя в эклектике и эпигонстве. Выгоднее "угадать — угодить", сиречь стремиться в мейнстрим. Даже так: все — в "авангард", и я — в "авангард". По крайности, соросовские гранты обеспечены.

Трудно, ох, трудно сегодня художнику — просто оставаться собой. Следовать призванию без оглядки на "тренды", но сообразно всему, чем тебя Бог наделил. Для этого надобно смирение. Назовите сие философским стоицизмом. Или, может, тут пожизненное ребяческое неведение...

Алена Томлёнова умеет — оставаться собой.

...Наша насмешливая эпоха первоначально накопления, а точнее — окончательного дерибана, поставила перед Томлёновой рогадку посильнее цензурной. Дефицит "бабла". Без одного твои симфонические партитуры изначально обречены "в стол". Ведь не оплатишь же ты оркестр и хор из своего жалования педагога специальной музыкальной школы, будь она даже школа Столярского.

Есть и пикантное обстоятельство: Томлёнова в силу места рождения клеймена "одесской легендой". Окружена ореолом некоей культурной двусмысленности — вне Одессы. Ибо многочисленные воспеватели "бандитской Одессы", чьи описи, по слухам, разлетаются с лотков Москвы, подобно шаурме, немало порадили о вульгарном "имидже" вольного города. Нет, ребята, не впервой повторю: демократия таки вредна культуре. Опасно дать демосу волю в культурных предпочтениях, не ставя перед ним планок и не вынуждая подтягиваться к уровню.

Меж тем выношенная, вымечтанная в течение двадцати (!) лет и даже сейчас находящаяся в проработке вещь Алены Томлёновой так и названа: "Одесская легенда". Названа — почтительно. Как бы с трепетом рыцаря, преклонившего колено.

Последний пассаж — не для красного словца. Алена, истинная и истовая дочь Одессы, влюбленная в свой многокрасочный город, несущая в своей кровеносной системе Бог ведаст какую смесь кровей, а в личном культурном коде Бог весть какие возможные влияния, в зрелом возрасте идентифицировала себя как католичка. В силу происхождения своей мамы, музыковедка Ольга Нивель, чьи родовые корни уходят — в Австрию. Алена Томлёнова написала католическую мессу для хора: месса однажды была исполнена в концерте и, помнится, раза два — в одесском кафедральном Успенском костеле. Алена хорошо отдавала себе отчет и, главное, чувствовала, ЧТО

она сочиняет. Ее месса — безусловно и глубочайшее духовное, религиозное, произведение, с корректным усвоением аутентичной европейской церковной традиции.

Но мог ли оставаться Алене чуждым — да язык не поворачивается такое выговорить! — мощный еврейский фермент Одессы, который, собственно, и дает городу неповторимый колорит, сгустившийся в печальную и озорную, ироническую и горькую Легенду, воплощенную в новеллах неподражаемого Исаака Бабеля?

С идеей произведения — оперы? оратории? — по "Одесским рассказам" И. Бабеля композитор Алена Томлёнова носилась с середины 90-х, набрасывая отрывки, разрабатывая темы. Официальная премьера "Одесской легенды" состоялась 9 апреля 2015 года в Одесской филармонии.

Надобно и мне оговорить "правила игры": пишущая эти строки — не музыкальный критик (но обратит сугубое внимание таковых на творчество Алены Томлёновой почитаю своим долгом). Я даже не меломан. Мои музыкальные предпочтения, если честно, застряли где-то в эпохе барокко, а еще лучше — грегорианских песнопений. Остальное — беру точно. Говорить я могу лишь о вещах, мне близких. И да — музыка Алены Томлёновой мне близка.

Нравится то, что Томлёнова, обученная в Одесской консерватории — в обиходе тех внешних композиторов, которые безоглядно ринулись в "авангардный" мейнстрим "атональных звукоизвлечений" (они сами это так называют), осталась привержена традиции симфонизма XX столетия: в чем-то для своего времени новаторской, но вполне "тональной" (простите мне сей непрофессиональный термин), то есть — с внятной и динамичной музыкальной драматургией.

Нравится, как умеет Томлёнова звуком — "рисовать картинку". Ее музыкальные произведения — зрими: будят в воображении образы в красках.

Нравится природный баланс в ее натуре художника, а стало быть, в ее опусах, интуитивного и рационального, эмоции и рассудка. В музыке Томлёновой эмоция — не захлестывает, а разум — не иссушает. Что не отнимает у эмоций — мощи, а у разума — ясности. Музыкальный темперамент у Алены Томлёновой — из сильных, он даже подчас сокрушитель. Но неизменно — обуздан. Алене Томлёновой присуще редкое и драгоценное качество — дисциплина духа.

Нравится, наконец, и явственный в ее произведениях игровой, театральный, замес (кроме, разумеется, ее мессы — тут уж не игра). Я, вообще-то, по профессии театральный художник: отсюда, понятно, и тяготения, и точки соприкосновения...

Импонирует и безошибочное стилевое чутье, которым наделена Томлёнова. Ну, что тут подытожишь: художник постмодерна... как и все мы.

"Одесская легенда" — опус на пограничье жанров и в смешении стилей. Сегодня это нормально. Автор дала ему подзаголовок "Иронические сцены с лением и танцами". Впрочем, особенной иронии я не усмотрела в "Одесской легенде", поданной на премьере как оратория в силу состава исполнителей, набранного буквально на энтузиазме. Как нет в произведении Томлёновой и особенного смакования "одесского колорита", пусть и в его изысканно-литературном бабелевском варианте; нет стереотипного умиления "одесским языком". Да и что такое пресловутый "бабелевский язык", все эти якобы одессизмы? Не что иное как стилизация: открытая игра со словом. Это не "бабелевский" язык — это язык его персонажей, сгущенный из уличного говора. "Конармия" написана не этим языком, да и те "Одесские рассказы", в которых не являются Бенья Крик с Любкой Казак, писаны не на "одесском" языке. Язык Бабеля — в сущности, производное языка... библейского. Вся его чувственная цветистость — оттуда: из Книги Книг. Не доумеваю, отчего этого до сих пор не замечают, а если заметили, отчего не отмечают вслух...

Персонажи "Одесской легенды" Алены Томлёновой — персонажи бытийные: они уж никак не из анекдота. Я бы сказала — персонажи трагические, но "трагедия" прилична древней Элладе, откуда есть пошла, а герои "Одесской легенды" корнями привязаны к иному преданию.

...Клезмерская музыка пролога: "Утро на Молдаванке". Как определить настрой клезмерской музыки?.. Я бы назвала: музыка очертя голову. Но у Томлёновой она лишена народного простодушия: жестка и нервна сугубо джазовыми ритмами. Вот тут я невольно улыбнулась: это еще та Томлёнова, верная своему великому истоку, следующая музыкальным руслом великого Первопроходца. Он ее путеводная звезда — Дмитрий Шостакович. В его колее — все ее симфонии и концерты. С вопросительной интонацией произнесла я его имя, когда в уже далеком конце 90-х Алена дала мне послушать свой отрывок по "Одесским рассказам". Вопрос сегодня:

"послушно" ли она следует Корифею. Мой ответ: вряд ли. Здесь вряд ли уместно говорить о "послушании", которое непременно — правдоподобное подражание. Здесь просто случай "однородности" в мироощущении.

В искусстве вообще ничто не возникает на пустом месте. Будет справедливым по возможности четко определить музыкальную "родословную" нашего композитора, одесситки в пятом поколении.

После ее премьеры я пришла домой и поставила видеозапись фильма "Катерина Измайлова". Чтобы в который раз убедиться, уже с нервных тактов увертюры: оно. Отсюда. "Отсюда", если строго сказать, многое у нас произошло. Но именно в Томлёновой сказалась такая особенная "чистота корня", без подражательства, не эпигонская.

"Оркестр из иллюстратора событий становится преобладающим началом: оркестр — это "авторский голос", рассказчик и судья... — писал по поводу оперы "Леди Макбет Мценского уезда" литературовед Лев Аннинский. — По совершенно новой логике соединяются трагедия с сатирой, гротеск с бытовой характерностью и пафос с иронией. Это не музыка возвышенного переживания, это музыка импульса, музыка жеста, музыка нервной одышки и дерзкого вызова".

Вся "Одесская легенда" помещается в этих параметрах...

Удар в барабан и литавры, с долгим тремоллирующим отгулом; аккорды пианино, напоминающие мерный стук настенных часов, — все это знаменует у Томлёновой пролог драматического повествования, в котором драму будет разворачивать именно оркестр. Певческое, танцевальное соло скрипки откровенно тревожно. Акцентирована, даже утрирована, роль ударных и басовых. Лейтмотив партитуры — саспенс; нарастающая доминанта — возмущение, которое достигнет апогея в монолог Бенья Крика: "Бакалейщикам хорошо, они гуляют жирные", — и разразится захватским, отчаянным танцевальным бунтом.

Старый ребе Арье Лейб (Виктор Мельник, тенор) рассказывает нам про то, как красавчик Бенья (Игорь Онищенко, баритон) справил свадьбу сестры. Свадьбу видела Басья (Нина Качур, сопрано) и себе захотела того же, приглядев сына бакалейщика. Но... "там ищут бакалейщика", бедной Басье ничего не светит; и тогда оскорбленный ее отец Фроим (Андрей Малинич, баритон) жалуется Бенье, познакомившись с ним у Любки Казак (Ольга Крепс, меццо). "Бог поможет нам, и мы накажем всех бакалейщиков", — падает, словно камушка в воду, монолог Бенья. И кругами разбегается — отвязным танцем, который вдруг угасает, оставляя по себе зловещие угольки: "Полиция кончается там, где начинается Бенья".

И повисает затишье перед бурей: "Ошибается даже Бог", — резюмирует Бенья, и это — отправная точка восстания, безоглядного и беспощадного ("молодой человек" в сцене "Облава" — Валерий Задорожный).

Танец — тоскующая удаль, ищущая выхода — сопровождает тему Бенья. Басья и Любке достались изумительные вокализы без слов, полные неизбыточной и древней тоски, сопровождаемые скрипичной темой и одиночными ударами колокола, нарастающими до набатной тревоги. И вот — бунт: "Доброго здоровья ичка, ваше высокоблагородие", — чеканит почти по слогам Бенья, и фоном — танцевальная тема, пожар, горит полицейский участок: веселые скрипочки завивают свои пассажи, словно языки пламени выются на ветру...

Резко и внезапно обрывающиеся музыкальные темы "Одесской легенды"; контрастные их стыки; речитативы вокальных партий; бессловесный, душу вынимающий плач Любки и повисающая долгая пауза — в глубоком русле новаторской музыки Шостаковича никому не тесно, было бы что сказать. Либретто по "Одесским рассказам" И. Бабеля составила Ольга Нивель. Либретто — гибкое, как гибка и партитура Томлёновой, позволяющая варьировать инструментальный состав и внести новые музыкальные темы, не нарушив целостности вещи.

"Одесская легенда" еще ждет своего режиссера...

"Я в оперу два хора дописала, — сообщила мне Алена в "личку" в августе. — Первый — в первой сцене: гости рассказывают о яствах, а не Фроим и другие; второй — перед сценой погрома: без слов, — нагнетает напряжение".

Легенда — не догма. По свету гуляет в вариациях. И, тем не менее, это — легенда: поэтическая квинтэссенция коллективной души. Души Одессы.

Фото автора.